

То, что Бай Шу ухитрился пробраться в его постель, случилось лишь по собственной неосторожности Хан Сиэня. Просто сегодня инструктор Бай действовал совершенно непредсказуемо, и его тело двигалось быстрее, чем успевал соображать разум.

Когда в тишине прозвучал робкий вопрос — можно ли его поцеловать, — Хан Сиэню сделалось почти смешно.

«Можно ли? Разумеется, нельзя».

Но стоило этой мысли промелькнуть, как Хан Сиэнь даже не успел разомкнуть губы для отказа. Бай Шу, приподнявшись на руках, резко подался вперед. Он навис сверху и, прежде чем юноша успел опомниться, порывисто, почти грубо прижался к его тонким губам своими.

Прикосновение вышло неожиданно мягким. Повинуясь глупому порыву, Бай Шу робко лизнул уголок его рта. Для него это было первым опытом столь ошеломляющей близости. Смутившись собственного дерзкого шага, он тут же отстранился и замер, глядя на опешившего Хан Сиэня сияющими, восторженными глазами. Инструктор застенчиво поджал губы, но в глубине его взгляда плескалась такая искренняя, неприкрытая радость, словно у ребенка, совершившего славную шалость и теперь ждущего похвалы.

В душе же у него все трепетало от страха.

«Разозлится ли Хан Сиэнь? Понравилось ли ему? Не противно ли?» — так и роились в голове тревожные вопросы.

Для Хан Сиэня это, строго говоря, и поцелуем-то назвать было сложно — так, неловкое, по-детски бесхитростное и резкое соприкосновение. Бай Шу ткнулся в его губы с грубоватой прямоотой, замер на мгновение и тут же отпрянул.

Но сильнее всего Хан Сиэня поразило другое. Он, всегда ненавидевший чужие прикосновения до дрожи, сейчас не почувствовал ни капли брезгливости или гнева. Было лишь легкое замешательство от того, насколько стремительным оказался этот порыв, и глубокое, непривычное смятение.

Он прекрасно знал о чувствах инструктора Бая и видел, какими отчаянными шагами тот пытается сократить разделяющее их расстояние. Но теперь, когда они столь внезапно перешагнули дозволенную черту, Хан Сиэнь ощутил непривычную для себя растерянность.

Справившись с изумлением, Хан Сиэнь постарался вернуть лицу бесстрастное выражение. Он опустил веки и негромко произнес:

— Слезь с меня.

Голос прозвучал все так же ровно, но в нем уже не было прежней ледяной отстраненности.

Опасаясь, как бы юноша не разгневался не на шутку, Бай Шу послушно скатился в сторону, заняв место у стены. А затем, сделав вид, будто ничего из ряда вон выходящего не случилось, нащупал ладонь Хан Сиэня и потянул его под одеяло.

— Хан Сиэнь, я сегодня уложил на лопатки весь тренировочный отряд императорской гвардии, — глухо пробормотал Бай Шу, утыкаясь носом в подушку. — Сил совсем нет. Давай спать. Завтра мне их еще заново гонять.

С этими словами он спрятал лицо под край подушки, оставив снаружи лишь покрасневшее ухо и край щеки. От столь стремительного напора у Хан Сиэня слегка шла кругом голова. Когда он наконец пришел в себя, наглец уже всю притворялся спящим.

Хан Сиэнь попытался высвободить пальцы, но Бай Шу лишь крепче сжал их.

— Хан Сиэнь... — сонно пробормотал он, — позволь мне так поспать.

На самом деле ему хотелось сказать совсем другое:

«Хан Сиэнь, умоляю, подари мне хоть каплю надежды».

Хан Сиэнь взглянул на его лицо в полумраке. Веки Бай Шу были плотно сомкнуты, но длинные ресницы выдавали его с поличным — они мелко и испуганно подрагивали.

Хан Сиэню не требовалось заглядывать в чужие мысли, чтобы понять, какой животный страх сейчас сковал его спутника. Взгляд юноши потемнел. Он долго лежал неподвижно, всматриваясь в темноту, а затем молча прикрыл глаза, так и не забрав своей руки.

Спустя какое-то время дыхание Хан Сиэня выровнялось и стало глубже. Бай Шу осторожно приоткрыл глаза и приподнялся, разглядывая спящего. Даже во сне черты лица молодого маркиза сохраняли свою суровую, резкую красоту.

Разлет тонких бровей, прямой, изящно очерченный нос, точеный подбородок — он казался статуей, высеченной из редкого белого нефрита. Спал он на удивление чинно: вытянувшись струной, сложив руки по швам, и лишь плотно сжатые бледные губы выдавали внутреннее напряжение, словно он даже в забытии держал оборону против целого мира.

Набравшись смелости, Бай Шу вновь склонился над ним и невесомо коснулся губами закрытых век. Он до смерти боялся, что Хан Сиэнь сейчас распахнет глаза и холодно осадит его — у того всегда была поразительная, почти пугающая чуткость. С его невероятным мастерством в боевых искусствах утаить хоть какое-то движение казалось невозможным. Бай Шу подозревал, что эта вечная настороженность укоренилась в юноше за годы жизни в

герцогском поместье, где каждый шаг таил в себе скрытую угрозу.

Однако на сей раз то ли движения гвардейца были совсем воздушными, то ли удача оказалась на его стороне. Опасная, дерзкая вольность сошла ему с рук — Хан Сиэнь не проснулся. Он лишь слегка, едва заметно нахмурился, словно от назойливого прикосновения, но почти сразу расправил лоб и продолжил ровно дышать.

Этого крошечного торжества Бай Шу хватило с лихвой. Лицо его озарилось счастливой улыбкой, а бешено колотящееся сердце готово было выпрыгнуть из груди. Ему безумно хотелось закружиться по комнате или хотя бы победно перекатиться по постели, но он сдержал этот глупый порыв. Лишь притиснулся чуть ближе к чужому плечу и с облегчением закрыл глаза.

Прошло то ли четверть часа, то ли несколько страж. Бай Шу наконец крепко уснул, и в ту же секунду Хан Сиэнь открыл глаза. Он долго лежал, безучастно разглядывая узоры на пологие балдахина, в абсолютной душевной пустоте.

Спустя долгое время он медленно поднял руку и коснулся собственных губ. Чужое тепло все еще фантомно ощущалось на коже, словно слабое, но обжигающее прикосновение уголька. Хан Сиэнь отдернул руку, его взгляд сделался странным, отрешенным.

По правде говоря, с тех пор как он очутился в той проклятой лаборатории в своей прошлой жизни, он ни разу не подпускал к себе никого так близко. Для него человеческое общение всегда ассоциировалось с могильным холодом — тем самым, что исходил от безумных ученых, ставивших на нем опыты.

Те твари лишили его права быть человеком, превратив в бесчувственный подопытный материал. Они препарировали его разум в поисках ответов, которых сами не понимали, равнодушно взирая на любые муки. Они испробовали на нем весь арсенал изощренных пыток, щедро приправляя истязания лживыми, приторными уговорами, пытаясь усыпить его бдительность.

«Я видел бездну человеческого лицемерия в самом ее омерзительном проявлении. Неужели я поддамся на чьи-то сладкие речи?»

Слишком хорошо он помнил, как искажались от ужаса лица его мучителей, стоило ему вслух озвучить их истинные, грязные помыслы.

Еще тогда он уяснил простую истину: в этом мире нет людей, у которых на уме то же, что и на языке.

Даже у этого простодушного на первый взгляд гвардейца водились свои скрытые намерения — взять хотя бы то, как расчетливо он подмечал любые мелочи, чтобы проложить дорожку к его сердцу. И все же этот мелкий эгоизм, лишенный яда и корысти, не вызывал у Хан Сиэня

привычного отвращения.

Всю ночь в его голове роились хаотичные, мучительные мысли. Сознание уносило его в далекое прошлое, заставляя заново вскрывать старые нарывы памяти, которые он так отчаянно пытался затянуть. Растревоженное прошлое кровоточило ледяной обидой, отзываясь в теле невыносимой, застарелой болью.

Незадолго до рассвета оплывшая свеча окончательно погасла, погрузив комнату в густую утреннюю полутьму. Хан Сиэнь к тому времени уже давно высвободил свои пальцы из хватки спящего.

Обычно он терпеть не мог темноты и тут же зажег бы новый фитиль, но сейчас продолжал лежать неподвижно. Он молча созерцал царящий вокруг мрак, оставшись один на один со своей бесконечной внутренней пустотой.

В предрассветной тишине Бай Шу беспокойно завожился. Должно быть, ему снилось нечто невероятно приятное: с его губ сорвался тихий, прерывистый вздох.

Он потянулся к теплу и, нащупав рядом поджарое тело Хан Сиэня, бесцеремонно закинул на него ногу. Сладкие грезы явно лишили молодого мужчину всякого стыда.

Горячее, тяжелое прикосновение в районе бедра мигом выдернуло Хан Сиэня из пучины мрачных размышлений. Вся меланхолия улетучилась без следа. Юноша мгновенно одеревенел — словно дикий кот, которому наступили на хвост. Чувство омерзения и шока едва не заставило его взвиться на постели.

Но прежде чем он успел сбросить наглеца на пол, Бай Шу уткнулся лицом прямо ему в шею. В полусне он хрипло, жалобно забормотал:

— Хан Сиэнь... Мне так плохо...

Обжигающее дыхание опалило кожу на шее. Почувствовав, что Хан Сиэнь пытается отстраниться, гвардеец крепко вцепился в его плечи и невольно прижался плотнее, совершив бессознательное, но предельно откровенное движение.

— Хан Сиэнь, — выдохнул он с непереносимой мукой в голосе, — помоги мне... Ну же.

Во мраке спальни глаза Хан Сиэня полыхнули опасным огнем.

— Бай Шу, — процедил он сквозь зубы, — а ну пошел вон!

Этот ледяной тон, подобный зимнему ветру, мгновенно вымел из головы Бай Шу остатки сна.

Осознав всю двусмысленность их положения, гвардеец замер, в ужасе холодея. И пускай в темноте лица маркиза было не разглядеть, тяжелая, удушливая ярость, исходившая от него, ощущалась почти физически.

Паника захлестнула его с головой. Он до смерти испугался, что стоит зажечь свет, и Хан Сиэнь навсегда вычеркнет его из своей жизни, превратившись в чужака. От этой жуткой мысли руки Бай Шу задрожали, и он принялся лихорадочно, слепо шарить по чужому телу.

Единственное, что крутилось в его испуганном мозгу — он должен доказать, что тоже готов помочь Хан Сиэню удовлетворить плотский голод. Вот только сколько он ни ласкал юношу, тот оставался абсолютно безучастным. Растерявшись окончательно, Бай Шу сморозил глупость и жалобно, едва не плача, пролепетал:

— Хан Сиэнь... у тебя что, совсем не стоит? Как же... как мне тебе помочь?

Это стало последней каплей. Из уст этого идиота уже второй раз звучало сомнение в его мужской силе! Терпение Хан Сиэня лопнуло. Перехватив дрожащие запястья гвардейца, он одним резким движением опрокинул его на спину, подмяв под себя. Бай Шу даже не подумал сопротивляться.

Несколько мгновений в темноте слышалось лишь тяжелое, рваное дыхание и шорох сминаемых простыней. Хан Сиэнь, ведомый уязвленным самолюбием и непонятной ему самому злостью, грубо заставил замолчать этого несносного человека самым действенным способом.

Вскоре все было кончено. Хан Сиэнь резко отстранился, поднялся на ноги и с каким-то ожесточением принялся вытирать ладонь о край покрывала.

Бай Шу лежал безвольной куклой, уставившись в потолок и тяжело дыша, словно до сих пор не мог поверить в случившееся. Спустившись на пол, Хан Сиэнь дрожащими пальцами зажег светильник. Мысленно он клял себя на чем свет стоит.

«Какая же дикость... Я окончательно потерял рассудок!»

Поддавшись на глупую провокацию, он собственноручно разрушил ту зыбкую стену, что отделяла их друг от друга, и назад дороги уже не было.

Разгоревшееся пламя осветило комнату. Хан Сиэнь брезгливо уставился на липкие следы на своей правой ладони. Осознание того, что он только что помог Бай Шу излить семя, вызвало у него дикое желание немедленно задуть светильник, чтобы вновь скрыться во тьме и сделать вид, будто ничего не произошло. Но малодушный побег был не в его правилах.

Стиснув зубы до скрежета, он крикнул в сторону двери:

— Воды в купальню! Живо!

На щеках Бай Шу все еще горел густой, жаркий румянец. Заслышав гневный окрик, он торопливо подобрал с пола разбросанные одежды, накинул их на плечи и заворуженно уставился на прямую спину уходящего в купальню маркиза.

Мысли путались, тело казалось чужим и невесомым. Он до последнего не верил, что гордый Хан Сиэнь снизойдет до такой интимной помощи. И пускай из-за бешеного восторга все закончилось слишком быстро, сам факт этого сводил Бай Шу с ума. Сама мысль о том, что эти тонкие холёные пальцы только что ласкали его плоть, заставляла кровь приливать к лицу с новой силой.

Хан Сиэнь терпеть не мог, когда слуги крутились под ногами, однако дежурные служанки все равно караулили в коридоре, готовые явиться по первому зову. Разумеется, молодой господин спал чутко и спокойно, и требовать ванну посреди ночи для него было делом неслыханным. Однако присланные из дворца рабыни еще не изучили повадок нового хозяина и лишь покорно бросились исполнять приказ, решив, что такова причуда молодого вельможи.

К тому времени как Хан Сиэнь, смыв с себя чужие следы, вернулся в спальню, Бай Шу уже след простыл. Наглец проявил благоразумие и вовремя скрылся, успев при этом полностью сменить постельное белье.

Хан Сиэнь молча созерцал идеально чистые простыни, и лицо его в этот миг не предвещало ничего хорошего.

Утром маркиз Вечного Покоя впервые предстал перед императорским двором в своем новом высоком статусе. Весь его облик так и дышал скрытой угрозой, и стоило кому-то из придворных попытаться уязвить его или выразить недовольство, как Хан Сиэнь обрушивал на несчастного шквал издевательских вопросов. От его ядовитых, бьющих без промаха реплик чиновники теряли самообладание и в панике выбалтывали то, о чем следовало бы молчать до гробовой доски.

Первым под раздачу попал почтенный старый цензор, славившийся своей суровостью и безупречным моральным обликом. Под яростным натиском маркиза старик внезапно запутался в собственных оправданиях и прилюдно выдал, что тайно содержит юную девицу из веселого дома «Павильон Десяти Тысяч Цветов», причем оплачивает ее капризы из приданого собственной законной супруги. Более того, в пылу спора он умудрился во всеуслышание назвать жену ее домашним прозвищем — «свирепая тигрица».

Министр доходов попытался было заступиться за коллегу, благонаравно заметив, что семейные дразги не должны становиться предметом обсуждения на государственном совете. Но Хан Сиэнь тут же переключился на него, припомнив его никчемного внука — первейшего повесу и бездельника в столице. Молодой маркиз ехидно поинтересовался, отчего господин министр так

спокоен за судьбу наследника. Уж не потому ли, что уже присмотрел для оболтуса теплое местечко в ведомстве за звонкую монету или надеется выгодно пристроить его, породнившись с влиятельным семейством?

Попав в самую точку, Хан Сиэнь вынудил несчастного министра багроветь от стыда и клятвенно уверять императора, что его внук отныне и шагу не сделает на службу без сдачи государственных экзаменов, а о браке со знатной девицей не смеет даже мечтать.

Когда же помощник министра доходов Чжао Куань, пылая праведным гневом, попытался обвинить Хан Сиэня в том, что из-за его выходок страдает репутация его законного сына-гэера, Чжао И, маркиз хладнокровно вытащил на свет божий грязное белье чиновника. Он припомнил Чжао Куаню, как его вторая жена на протяжении многих лет беззастенчиво обкрадывала и ущемляла сироту.

— Сила клана вашей новой супруги превосходит вашу собственную, так что немудрено, что вы при ней и пикнуть не смеее, — ядовито бросил Хан Сиэнь прямо в лицо ошеломленному чиновнику. — Будьте уверены, ваша благоверная сделает все, чтобы разрушить эту помолвку и окончательно закрепить за Чжао И славу проклятого мужеубийцы. И винить в этом вам придется исключительно собственное ничтожество.

От такого неслыханного позора прямо посреди тронного зала Чжао Куань едва не захлебнулся собственной кровью от апоплексического удара.

До самого конца аудиенции под сводами Зала Извивающегося Дракона гремел безжалостный, сокрушительный голос маркиза Вечного Покоя. Император, восседавший на драконьем престоле, лишь изумленно прихлебывал остывающий чай, наблюдая, как новоиспеченный маркиз методично и с особым цинизмом смешивает с грязью всю правящую верхушку Великой Чжоу.

Стоило объявить об окончании собрания, как сановники бросились к выходу с такой прытью, словно спасались от чумы. Вокруг Хан Сиэня мгновенно образовалась мертвая зона радиусом в добрую сотню шагов.

Единственным, кто не побоялся приблизиться, оказался уездный князь Юй, принц Цзи Ло. Подойдя к юноше, он некоторое время молча разглядывал его помрачневшее лицо, после чего негромко спросил:

— Что с тобой стряслось? От тебя веет такой жаждой крови, словно ты готов вырезать половину столицы.